

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
Национальный исследовательский Томский государственный университет
Международный исторический журнал «Русин»

**СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ**

VIII Международная научная конференция

16 – 17 мая 2022 года

ПРОГРАММА

ТЕЗИСЫ

**Конференция проводится при поддержке
Программы развития Томского государственного университета
(Приоритет-2030)**

Оргкомитет

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна – председатель
ФИЛЬ Юлия Вадимовна – зам. председателя

Члены оргкомитета

ТУБАЛОВА Инна Витальевна
ЭМЕР Юлия Антоновна
ТОЛСТИК Светлана Александровна
КОРОВИНА Юлия Евгеньевна – секретарь

Программный комитет

ДРОНОВА Любовь Петровна (Томск/Новосибирск, Россия) –
председатель
СУЛЯК Сергей Георгиевич (Санкт-Петербург, Россия; Тараклия,
Молдавия) – заместитель председателя
АНАНЬЕВА Наталья Евгеньевна (Москва, Россия)
БЕРЕЗОВИЧ Елена Львовна (Екатеринбург/Москва, Россия)
ДЫБО Анна Владимировна (Москва/Томск, Россия)
РУТ Мария Эдуардовна (Екатеринбург, Россия)
СОБОЛЕВ Андрей Николаевич (Санкт-Петербург, Россия)

Рабочая группа конференции

ПАЛИЙ Валерия – лаборант Лаборатории лингвистической антропологии
КОРШУНОВА Ирина – лаборант Лаборатории лингвистической
антропологии
РЫЖОВА Ольга – аспирант кафедры общего, славяно-русского
языкознания и классической филологии

Формат работы конференции

16 мая – смешанный (очно / онлайн¹)

Открытие конференции

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom²)

Пленарное заседание

ауд. № 15, 3-й корпус ТГУ (пр. Ленина, 34) / online (zoom)

17 мая – онлайн

Работа секций

online (zoom)

Заккрытие конференции

online (zoom)

Регламент работы конференции:

- ✓ пленарный доклад с обсуждением – 30 минут (доклад 20 мин., 10 мин. – вопросы, обсуждение)
- ✓ секционный доклад – 25 минут (доклад 15 мин., 10 мин. – обсуждение)

Рабочие языки конференции: русский, другие славянские (синхронный перевод не предусмотрен).

Время конференции: московское

¹ Для участия необходимо установить программу/приложение на свой компьютер, планшет или телефон. Также вы можете использовать браузеры и участвовать в конференции, не устанавливая дополнительного программного обеспечения. Все программы и приложения доступны для скачивания по следующей ссылке: <https://zoom.us/download>

² Ссылки для участия в заседаниях будут размещены на сайте конференции 15.05.2022.

16 МАЯ 2022 г.

**Открытие конференции
10:00 – 10:20**

**Пленарное заседание
10:20 – 13:25**

17 МАЯ 2022 г.

Заседания секций

Секция 1. Славянские языки: историко-филологические аспекты	09:30 – 12:35
Секция 2. Славянские языки: семантический и когнитивный анализ	10:00 – 12:40
Секция 3. Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические аспекты	10:00 – 13:05

**Заккрытие конференции
13:10 – 13:40**

Программа
VIII Международная научная конференция
«Славянские языки в условиях современных вызовов»

16 МАЯ 2022 г.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
10:00 – 10:20

Председатели:
Резанова Зоя Ивановна
Суляк Сергей Георгиевич

Приветствия участникам конференции

- главного редактора журнала «Русин» **С. Г. Суляка**
- председателя оргкомитета конференции **З. И. Резановой**

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
10:20 – 13.25

Председатели:
Суляк Сергей Георгиевич
Резанова Зоя Ивановна

10:20 – 10:50 Суляк Сергей Георгиевич, г. Санкт-Петербург (Россия);
г. Тараклия (Молдова).

Ю.А. Яворский и Карпатская Русь

10:50 – 11:20 Мокиенко Валерий Михайлович, г. Санкт-Петербург
(Россия)

Из паремиологического наследия русинского языка (орнитоним
куруця, курка)

11:20 – 11:50 Дронова Любовь Петровна, г. Томск/Новосибирск
(Россия), Лю Яньчунь, г. Далянь (КНР)

Структура лексико-семантического поля «Польза» в русинском
языке в сопоставлении с русским литературным языком и диалектами

ПЕРЕРЫВ 11:50 – 11:55

11:55 – 12:25 Фёдорова Людмила Львовна, г. Москва (Россия)

Предложные конструкции в резьянском языке: особенности
структуры и употребления

12:25 – 12:55 Бочаров Алексей Владимирович, г. Томск (Россия)
Корпусные библиометрические аспекты славяноведческой тематики в русскоязычных научных электронных ресурсах в контексте категорий исторического познания

12:55 – 13:25 Остапчук Оксана Александровна, г. Москва (Россия)
Идиолектальное и узуальное в ситуации контакта: польско-украинский литературный билингвизм в середине XIX в.

17 МАЯ 2022 г.

СЕКЦИЯ 1

Славянские языки: историко-филологические аспекты

09:30 – 12:35

Председатели:

Трофимова Ольга Викторовна

Филь Юлия Вадимовна

09:30 – 09:55 Данилина Наталья Ивановна, г. Саратов (Россия)
Греко-латинские реминисценции в славянской эргонимии

09:55 – 10:20 Толстик Светлана Александровна, г. Томск (Россия)
Понятие «покорный» в истории русинского языка

10:20 – 10:45 Филь Юлия Вадимовна, Конончук Инесса Яковлевна, г. Томск (Россия)
Семантика смягчительности в старославянском и русском языках (на материале глагольной лексики)

10:45 – 11:10 Трофимова Ольга Викторовна, г. Тюмень (Россия)
Польские и русские глагольные имена в диахроническом аспекте

ПЕРЕРЫВ 11:10 – 11:20

11:20 – 11:45 Коньшина Оксана Григорьевна, г. Новосибирск (Россия)
О некоторых восточнославянских фамилиях на -ай, -айко, -айло

11:45 – 12:10 Михайленко Арина Юрьевна, г. Москва (Россия)

Система поэтических вольностей на ранних этапах становления книжной поэзии

12:10 – 12:35 Щеглова Ольга Георгиевна, г. Новосибирск (Россия)

Проложная память о перенесении мощей святых Бориса и Глеба: текстологические и лингвистические особенности

СЕКЦИЯ 2

Славянские языки: структурно-формальные и функциональные аспекты

10:00 – 12:40

Председатели:

Курьянович Анна Владимировна

Хазанова Маргарита Игоревна

10:00 – 10:25 Курьянович Анна Владимировна, г. Томск (Россия)

Славянский космогонический миф в картине мира и идиостиле В.И. Вернадского

10:25 – 10:50 Елисеева Мария Александровна, г. Новосибирск (Россия)

Наименования служителей культа и церкви в сербском и русском языках. Сопоставительный семантический анализ.

10:50 – 11:15 Вучкович Екатерина Сергеевна, г. Москва (Россия)

Англицизмы в сербском сленге молодежных социальных сетей

11:15 – 11:40 Хазанова Маргарита Игоревна, г. Москва (Россия)

Проблемы и состояние преподавания украинского языка русскоговорящим

ПЕРЕРЫВ 11:40 – 11:50

11:50 – 12:15 Сергунина Марина Николаевна, г. Москва (Россия)

К вопросу о болгарских прозвищах (на примере образа бывшего премьер-министра республики Болгарии Б. Борисова в болгарских электронных СМИ)

12:15 – 12:40 Саболова Драгомира Яновна, Кашова Мартина Богумиловна, г. Прешов (Словакия)

О переводе лексических единиц социальной сферы (семейные пособия)

СЕКЦИЯ 3

Языковое контактирование: корпусные, психолингвистические, социолингвистические аспекты

10:00 – 13:05

Председатели:

Колмогорова Анастасия Владимировна

Королькова Полина Владимировна

10:00 – 10:25 Колмогорова Анастасия Владимировна, Маликова Алина Вячеславовна, г. Красноярск (Россия)

Специфика эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами

10:25 – 10:50 Резанова Зоя Ивановна, Коршунова Ирина Сергеевна, г. Томск (Россия)

Русская речь в зоне языкового контактирования: активные тенденции в сфере отклонений от речевого стандарта

10:50 – 11:15 Палий Валерия Евгеньевна, Резанова Зоя Ивановна, г. Томск (Россия)

Русский язык в татарско-русской контактной зоне: когнитивная обработка падежных форм

11:15 – 11:40 Оглезнева Елена Александровна, г. Томск (Россия), Пустовалов Олег Викторович, г. Хэйхэ (КНР)

Русская речь в китайском Трехречье: языковые особенности

ПЕРЕРЫВ 11:40 – 11:50

11:50 – 12:15 Орлова Ольга Вячеславовна, г. Томск (Россия)
Полемика о транскрипционной системе Палладия в сетевом дискурсе русскоязычной диаспоры Китая

12:15 – 12:40 **Гринев-Гриневиц Сергей Викторович**, г. Москва (Россия), г. Сувалки (Польша), **Рогуцка Иоланта**, г. Сувалки (Польша), **Сорокина Эльвира Анатольевна**, г. Москва (Россия)

Проблемные вопросы содружественного развития славянских языков

12:40 – 13:05 **Королькова Полина Владимировна**, г. Москва (Россия)

Языковая политика в Хорватии в 19 в.: центробежные и центростремительные тенденции

ИТОГОВОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

13:10 – 13:40

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

КОРПУСНЫЕ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛАВЯНОВЕДЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ НАУЧНЫХ ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСАХ В КОНТЕКСТЕ КАТЕГОРИЙ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Бочаров А. В.

Томский государственный университет, г. Томск

Корпусная революция в филологии и лингвистических дисциплинах во взаимодействии с цифровизацией научных публикаций может и должна ставить задачу создания специализированных дисциплинарных корпусов. Если поставить задачу создания корпуса русскоязычных текстов по филологической, страноведческой или славяноведческой литературе, то такой корпус должен составляться с учетом критериев полноты, репрезентативности и сбалансированности.

Если в национальном корпусе речь идет о пропорциональности разных типов и жанров текстов, то в корпусе научных текстов по одной научной дисциплине понятие сбалансированности может опираться на категориально-понятийную и терминологическую специфику научных дисциплин.

Цель представляемого исследования – провести разведочный обзор представленности в научных цифровых платформах полнотекстовых ресурсов по славяноведению с учетом соотношения различных тематик, которые можно учесть в качестве критериев корпусной сбалансированности.

Если посмотреть общую частоту поисковой выдачи в scholar.google.ru, то для запроса (славяноведение | славистика) история – частота равна 19600, для запроса ("русины" | русинский) история – частота в scholar.google.ru равна 5900. Тематика именно русинов взята здесь как пример сравнительной доли представленности изучения отдельного языка и народа в рамках славяноведения.

Аналогичная поисковая выдача при поиске Google на сайте academia.edu отличается в меньшую сторону, поскольку размещение текста в социальной сети происходит по инициативе авторов, а не автоматически по факту появления изданий в электронных библиотеках или сайтах. В academia.edu для запроса (славяноведение | славистика) история – частота равна 9130, для запроса ("русины" | русинский) история – частота равна 897. Таким образом, упоминания тематики русинов в научных электронных библиотеках занимает приблизительно 30% от общего количества русскоязычных публикаций по теме славяноведения и около 9 % сети academia.edu.

Дисциплины, аналогичные славяноведению, являются комплексными, изучающими языки, литературу, фольклор, историю, материальную и духовную культуру. Для частотной аналитики структурно-содержательных аспектов тематического корпуса текстов по таким дисциплинам продуктивной будет проверка сопряженности с категориями исторического познания. Разные исторические категории могут обозначать явления, вполне сопоставимые с тематиками и проблематикой исследований в славяноведении.

Всего проверено 76 исторических категорий (историческая аналогия, историческая память, историческая возможность историческое время, историческая личность и т.д.). Посмотреть и проверить частотность по полному списку можно на авторском сервисе www.lib.tsu.ru/inspert/, который использовался для организации систематизированного тематического поиска.

Все исторические категории, сопряженные с тематикой славяноведения либо с тематикой русинов, были ранжированы по частотности поисковой выдачи полнотекстовых ресурсов. Частотность в свою очередь была ранжирована по разрядам значности чисел (пятизначные, четырехзначные, трехзначные, двузначные, однозначные).

Исторические категории, наряду с языковедческими и культурологическими понятиями, могут стать критериями для разметки понятий и текстов в дисциплинарном корпусе. Пропорциональная представленность тематик разных категорий в корпусе также должна отвечать критериям сбалансированности.

АНГЛИЦИЗМЫ В СЕРБСКОМ СЛЕНГЕ МОЛОДЕЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Вучкович Е. С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Работа посвящена анализу англицизмов, составляющих по большей части сленг пользователей сербских молодежных социальных сетей. Этот сленг состоит из двух частей – компьютерного и молодежного сленга, которые в речи молодежи часто переплетаются. Часто лексемы из этого сленга переходят в общеязыковой словарь и даже становятся частью литературного языка.

Интернет-сленг сплачивает людей, занятых в этой сфере, облегчает общение пользователей; помогает с помощью интернета обмениваться информацией, экономя время и средства; отражает специфику виртуального мира.

В связи с тем, что в большинстве своем новые компьютерные технологии появляются в Америке, их названия даются на английском языке. Однако для большинства терминов эквиваленты в других языках отсутствуют. Так появляется компьютерный сленг.

В письменной коммуникации в социальных сетях широкое распространение получили аббревиатуры. В основном они воспроизводятся в английском варианте (например, *LOL – Laughin Out Loud*, что значит «громко смеюсь, умираю от смеха»), но появились и сербские аббревиатуры (*Нзм – не знам, врв – вероватно, хвл – хвала, роз, поз, pozzz – pozdrav*).

В качестве языковой игры используются английские слова и аббревиатуры, напечатанные кириллицей или сербской латиницей, или сербские слова и буквы заменяются английскими (*BDV, БДВ, БТЪ – от “baj d vej” (eng. by the way), тенкс – хвала*).

Из социальных сетей, преимущественно использующих устную речь или видеоряд, наиболее популярен YouTube. Анализ сленговых слов и выражений в данной работе проводится на основе видеоклипов популярного сербского блогера Яссерштайна (*Yasserstain*).

Большинство англицизмов отличаются высокой степенью адаптации в сербском языке: глаголы получают сербские суффиксы и приставки (*restartovati, šerovati, kliknuti, ulogovati se, izlogovati se, lajkovati, proguglati*), существительные – суффиксы и окончания (*forvarduša, instagramuša*), некоторые образованы сложением двух основ – сербской и английской (*dvoklik*). Но есть слова с меньшей степенью адаптации, еще не подвергшиеся полностью ассимиляции в соответствии с правилами сербского языка: существуют варианты написания *supskraiber* и *subskraiber* (без ассимиляции согласного по глухости), в слове *disstrak* сохранен двойной согласный, что не характерно для сербского языка.

Наиболее интересным представляется анализ значений англицизмов, отражающих специфику виртуального мира. Именно над этими новыми, не характерными для сербского менталитета понятиями иронизирует в своих клипах блогер Яссерштайн. Например, *drama* – «спектакль», разыгрываемый по договоренности двумя блогерами, в котором они оскорбляют друг друга, чтобы привлечь внимание подписчиков. *Klik* – чем больше кликов имеет сайт, видео, канал, профиль в соцсети, тем выше его репрезентативность и, соответственно, доходы от рекламы. *Klikbejt* обозначает содержание, которое должно «поймать на удочку» пользователя и заставить его пройти на страницу с материалом (допускаются провокационные и лживые заголовки).

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Английские заимствования хорошо адаптируются в сербском языке (существительные получают род и тип склонения, глаголы – приставки и суффиксы), возникают словообразовательные гнезда, неологизмы включаются в лексические и синтаксические связи.

2. Неологизмы вводят в язык новые понятия, несущие новые ценности, дополняющие и видоизменяющие сербскую языковую картину мира.

3. Владение интернет-сленгом позволяет подросткам чувствовать себя частью закрытой группы, язык которой непонятен взрослым.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ СОДРУЖЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Гринев-Гриневиц С. В.

Московский городской педагогический университет, г. Москва
Государственная высшая профессиональная школа
им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Рогоцка И.

Государственная высшая профессиональная школа
им. проф. Едварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Сорокина Э. В.

Московский государственный областной университет, г. Москва
Российский университет транспорта, г. Москва

Данное исследование является продолжением начатой в 2020-2021 годах темы изучения возможностей сближения славянских языков по мере их развития.

В 1959 г. был провозглашен принцип «минимального расхождения» языков, т.е. максимального схождения в заимствованиях и создании новых терминов в языках народов СССР. Этот принцип в дальнейшем активно развивался З. Стоберским в рамках созданной им в 1980-е годы Международной организации по унификации терминологических неологизмов, содействовавшей интернационализации терминов основных европейских языков.

Как установил З. Стоберский, в терминологии степень соответствий достаточно высока, что и подтверждается нашими исследованиями в области медицинской терминологии. В результате проведенного нами анализа медицинской терминологии определилась высокая степень интернационализации: формы основных терминов совпадают на 73 % в пяти основных европейских языках, на 85 % в четырех языках, на 93 % в трех языках, и на 97 % в двух языках.

Важным условием сознательной языковой политики, необходимость которой явно ощущается всеми терминоведами современных славянских государств, является анализ существующей ситуации с точным учетом определения уровня соответствия лексики, деривационных особенностей лексических средств и моделей словосочетаний, присутствующих в родственных языках.

В представляемом докладе приводятся результаты выборочного анализа степени соответствия общей лексики ряда славянских языков (русского, украинского, белорусского, польского, чешского и словацкого).

На фоне общеупотребительной лексики терминологическая лексика имеет свои особенности. Анализ терминологии одного из разделов языкознания – лексикологии, относящейся к русской, польской и белорусской лингвистике, позволил выявить перспективные направления их содружественного развития.

Интересным и перспективным направлением анализа восточнославянского терминоведения считаем проведение сравнительно-сопоставительного анализа терминообразовательных средств, участвующих в создании национальных терминологий.

ГРЕКО-ЛАТИНСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ В СЛАВЯНСКОЙ ЭРГОНИМИИ

Данилина Н. И.

Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского, г. Саратов

Эргонимы попали в поле зрения лингвистов позже других онимических разрядов и подвергаются в настоящее время активному изучению, актуальность которого обусловлена прагматическим фактором – рекламной функцией этих имен (работы М.Е. Новичихиной). Как одна из важных номинативных тенденций современной эргонимии рассматривается иноязычие (работы Е.С. Самсоновой). Вместе с тем, существующие исследования в этом направлении опираются на недавние англоязычные заимствования, роль классических языков в формировании эргонимии не получает достойного освещения.

Цель данного исследования – анализ прагматических возможностей античных реминисценций в эргонимии и специфики использования этих возможностей разными славянскими лингвокультурами.

Материал исследования составила сплошная выборка эргонимов по справочным интернет-ресурсам городов Краков, Лодзь, Львов, Одесса, Рязань, Саратов. Выделено два «блока»: культурно-языковой и собственно языковой. Первый составляют лексические заимствования, связанные в сознании носителей языка с античной историей или мифологией, второй – непереуведенные слова и фразы, не вошедшие в современные языки в статусе заимствований, в том числе крылатые выражения. Объем материала, соответствующего принятым критериям, составил 663 номинации. Анализируются также смежные явления: использование в эргонимии греческих и латинских морфем, заимствованных новыми языками, и апеллятивов, восходящих к античным онимам.

Установлено, что в восточнославянском ареале чаще используются культурно-языковые реминисценции, в польском – собственно языковые. Среди культурно-языковых реминисценций преобладают мифонимы; в большинстве случаев они употребляются семантически верно. Популярность отдельных мифонимов (*Феникс*, *Меркурий*, *Гермес*) влечет за собой их деривационную активность – создание сложных эргонимов, включающих апеллятивные и цифровые компоненты; данные мотиваторы задействованы в номинации большого количества объектов. Из немифологических реминисценций прецедентные онимы используются чаще, чем апеллятивы, называющие античные реалии.

Круг собственно языковых реминисценций рассмотрен в докладе как поле. К периферии отнесена онимизация морфем, заимствованных современными языками: связанных корней, аффиксоидов, терминологических элементов (*космо*, *эндо*, *мед* и т.п.). Околоядерная зона состоит из латинских слов с корнями, являющимися в современных языках связанными (популярны лексемы *vita*, *terra*, *ego*). Ядро образуют эргонимы, созданные на базе лексики, отсутствующей в современных языках. Объем ядра в польской лингвокультуре шире, чем в восточнославянских. Внутри ядра наблюдается онимизация устойчивых выражений (*Эврика*, *Invitro*, *Carpe diem* и т.п.), отдельных лексем (*Офисина*, *Gemini*, *Аурум*), предложно-падежных сочетаний. Последнее явление характерно только для польского ареала, где регулярна модель «*pro* + латинское существительное». Латинская лексика используется номинаторами семантически верно, отмечаются единичные грамматические нарушения.

СТРУКТУРА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ПОЛЬЗА» В РУСИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЯЗЫКОМ И ДИАЛЕКТАМИ

Дронова Л. П.

Томский государственный университет, г. Томск

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

Лю Я.

Даляньский университет иностранных языков, г. Далянь (КНР)

Сопоставление структуры лексико-семантических полей (ЛСП) «Польза» в русинском языке и русском литературном языке, его диалектах позволяет говорить о сходстве и различии в структурировании самого понятия «польза» в сознании носителей этих языков.

Наиболее употребительным средством, полно, в целом выражающим понятие «польза / полезный» в русинском языке, является лексема *хосен* 'польза, прок; доход, выгода; разжива, толк'. Семантика слова *хосен* и его производных свидетельствует о выделении двух аспектов в понятии «польза»: «положительный результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.» и «выгода, корысть»: *хосенный* 'полезный, пригодный, выгодный', *хосенность* 'полезность', *хосновитый* 'полезный, выгодный', *хоснованный* 'поддержанный, использованный', *хосножадник* 'корыстолюб', *хосновати* 'употреблять, использовать' и др. *Хосен* – заимствование из венгерского языка (< венг. *haszon* 'корысть, выгода'), известно оно также украинскому, польскому, словацкому языкам.

С точки зрения структуры поля рассмотренный ряд синонимов (*хосен, пожиток, проснів, придаток, пригода, напомочный, споможный*), возглавляемый лексемой *хосен*, образует субполе, семантика лексем которого представляет понятие «польза / полезный» как «положительный результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.».

Второе субполе образуют единицы *хосен; выгода (?), корысть, пожиток, проснів; профіт, інтерес*. Второй аспект понятия «польза» – «выгода, корысть» – толкование пользы, как личной выгоды, как личного преимущества субъекта, часто сопряженного с невыгодой, ущербом для окружающих, отрицательно оцениваемое сообществом. В языковом представлении это субполе частично пересекается с первым: это лексем *хосен, пожиток, проснів, выгода (?)*. Если для *хосен* двузначность присуща «по должности» как для основного языкового знака понятия «польза», то для *пожиток, проснів* такая двузначность, разнооценочность ситуативна. Лексем *профіт, інтерес* – заимствования нового времени из европейских языков.

По структуре ЛСП «Польза» в литературном русском языке и в его диалектах в принципе совпадает с полем в русинском языке, значительно отличаясь большей сложностью, сегментированностью субполей. Ядро ЛСП «Польза» в литературном русском языке так же, как в русинском языке, представлено заимствованием (церковнославянизм *польза, полезный*). Ядро ЛСП «Польза» в диалектах русского языка отличается сохранением в центре поля исконно славянского обозначения пользы – *пригода, угода*, наряду с *польга*. Другим существенным отличием ЛСП «Польза» в диалектах русского языка является значительно большая лексическая представленность сегмента «польза / полезный для здоровья» субполя «положительный результат, благоприятные последствия для кого-, чего-л.» из-за тесного переплетения с понятием «содействующее, способствующее пользе / лечащее».

НАИМЕНОВАНИЯ СЛУЖИТЕЛЕЙ КУЛЬТА И ЦЕРКВИ В СЕРБСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Елисеева М. А.

Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск

Национальная специфика ярко проявляется не только в значении слова как таковом, но и в том объеме значений, который актуализуется в современной речи. Углубленный анализ отдельных тематических групп общего словарного фонда позволяет выявить специфику развития значений слов в каждом языке и обозначить культурные особенности, связанные с этими сферами.

С этой точки зрения показательна категория «служители культа и церкви», в которой в сербском и русском языках выявлены следующие общие лексемы: *вероучитель / вероучитель; љакон / дьякон; исповедник; свештеник / священник; поп; проповедник*. Наименования лиц в данной категории очень близки по значению, но для сербских слов характерен больший объем значения. Зачастую это объясняется более широким конфессиональным разнообразием сербской культуры: к примеру, лексема *поп* может относиться не только к православному, но и к католическому священнику. Слово *пророк* устойчиво используется и в конкретном значении «пророк Мухаммед».

Стоит также отметить, что сербские лексемы в данной категории более продуктивны с точки зрения формирования вторичных и переносных значений: *свештеник* обозначает также человека преданно служащего какому-то делу, *исповедник* – это лицо, исповедующее какую-либо веру. Слово *пустињак / пустынный* в сербском языке помимо базового значения обозначает любого человека, стремящегося к уединению.

На Балканах и в особенности в Сербии религия на протяжении многих столетий была наделена этноопределяющей функцией. События новейшей истории этого региона в существенной степени закрепили и усилили эту роль религиозного самосознания. Культурная религиозность занимает центральную роль в самоопределении сербов и проявляется на лексическом уровне в идентичности народа. Данные, полученные в ходе сопоставительного анализа лексем из общего словарного фонда, подтверждают культурологические и социологические наблюдения относительно религиозной сферы жизни, а также помогают выявить тонкие нюансы значений. Это может быть полезным в работе переводчиков, а также помочь при изучении рассматриваемых языков как иностранных.

СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ТУВИНСКО-РУССКИМИ БИЛИНГВАМИ¹

Колмогорова А. В., Маликова А. В.

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Исследование посвящено изучению особенностей эмоционального восприятия русскоязычных интернет-текстов тувинско-русскими билингвами. Актуальность данного исследования определяется тем, что у исследователей сформировался интерес к изучению специфики функционирования русского языка в билингвальном пространстве, однако сравнительных исследований в отношении восприятия эмоции в тексте русскими монолингвами и национально-русскими билингвами на текущий момент не проводилось.

Цель исследования заключается в анализе результатов психолингвистического эксперимента по аннотированию датасета интернет-текстов на русском языке двумя группами респондентов: русскими монолингвами и русско-тувинскими билингвами.

Материалом исследования выступают тексты 48 постов из паблика «Подслушано» социальной сети ВКонтакте как тексты с особой эмоциональной насыщенностью – по 6 текстов на каждый эмоциональный класс. За основу эмоциональной классификации была взята модель Куб Лёвхейма с 8 базовыми классами эмоций – Воодушевление, Удовольствие, Удивление, Грусть, Гнев, Страх, Отвращение, Стыд. Для отбора текстов данных эмоциональных тональностей были использованы хештеги, валидность которых проверена в психолингвистическом эксперименте с 32 информантами.

В исследовании приняли участие 174 монолингва и 65 тувинско-русских билингов. За основу эксперимента был взят интерфейс для недискретного аннотирования текстов по эмоциональной тональности, разработанный нами ранее для задачи разработки эмоционального классификатора интернет-текстов²: ассессоры оценивали текст по 4 шкалам, соответствующим диагоналям Куба Лёвхейма, таким образом оценивая наличие и степень выраженности в тексте той или иной эмоции (от 0 до 5). Благодаря такой методике учитывается также смешанный характер эмоциональной тональности текста. С применением t-критерия Стьюдента была проанализирована статистическая значимость отличий между оценками в группе монолингвальных и билингвальных респондентов.

В результате исследования обнаружены значимые отличия между эмоциональным восприятием текстов монолингвами и тувинско-русскими билингвами по двум диагоналям куба: Отвращение – Гнев, Страх – Удивление. На основе полученных данных разработана модель специфики восприятия эмоций в текстах на русском языке данной целевой аудиторией, которая может быть использована в качестве рекомендаций по написанию текстов социальных медиа.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Краевого фонда науки Красноярского края, проект № 629 «Компьютерное моделирование эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке тувинско-русскими билингвами»

² Колмогорова А. В., Калинин А. А., Маликова А. В., Кушко Л. А. Методы компьютерной и корпусной лингвистики для решения задач эмоционального анализа интернет-текстов: монография. – М.: Ай Пи Ар Медиа, 2022. – 215 с.

О НЕКОТОРЫХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ФАМИЛИЯХ НА -АЙ, -АЙКО, -АЙЛО

Коньшина О. Г

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск

Восточнославянским фамилиям посвящено большое количество работ, рассматривающих их в этимологическом, словообразовательном, культурологическом и пр. аспектах. Однако до сих пор можно обнаружить фамилии, этимология которых не ясна.

В этимологическом плане наиболее интересны фамилии, образованные от прозвищ. Такие фамилии зачастую требуют обращения не только к словарям и предыдущим исследованиям, но и к историческим источникам.

Объектом данного исследования являются 14 восточнославянских фамилий, оканчивающихся на -ай, -айко, -айло, -уй, этимологическое исследование которых не проводилось или может иметь иное решение.

Отдельно следует рассмотреть фамилии *Галамай* и *Кабай*. *Галамай*, вероятнее всего, возникло в украинском языке и является одним из вариантов прозвища еврея: галамай / халамей / халамій < халамид. *Кабай* используется у многих тюркских народов как мужское имя собственное, значение которого «лунная колыбель, люлька».

Прочие фамилии образованы от глаголов. Так, фамилия *Баглай* произошла от прозвища, которое в белорусском языке значило «лежебока, лентяй», а позднее и «богохульник». В «Этимологическом словаре славянских языков» находим арх. *багля* (< *багня < *bagn'a < *bagno «болото, сырое место, топь») «дорога, тропа, высланная по раде (болоту) бревешками; бревенчатая мостовая, мостовик» и *баглитъ* < *багнить < *bagniti «2) жарко топить (печь)».

К прозвищу укр. *Пристай* «приставший к семье девушки», синонимом его является приймак, восходит фамилия *Пристай*.

Фамилия *Чухрай* могла появиться у казаков: юж.-рус. *чухрать* (< чу, чух «у казаков понужение коня») «поскакать, пойти, побежать».

Несмотря на то, что *Ляхтай* оканчивается на -ай, в этой фамилии суффикс -тай (ср. глашатай < оглашать). Сербохорватский глагол *лахати* в диалектах имеет значения: «ходить быстро, спешить» и «преувеличивать». Чешский диалектный глагол *lachař* значит «следить, выслеживать», а польский *lachać* – «носиться». Русское *лахать* в говорах Прибалтики используется в значении «говорить о пустяках, болтать», в брянском диалекте – «бегать, метаться». Белорусское диалектное *лахаць* имеет значение «бегать, искать; шляться, шататься, говорить глупости; сплетничать, болтать».

Прозвища, от которых образованы фамилии *Наливайко*, *Задирайко*, *Відайко*, *Брыкайло* и *Некеруй*, не содержат суффикс производителя действия -ай. Эти прозвища образованы от аориста: в речи суффикс аориста сократился до -й. К этой основе прибавлены суффиксы производителя действия -ко с позитивной коннотацией и -ло с негативной коннотацией. *Некеруй* суффикса не имеет. *Відайко* – искажение *Віддайко*.

Этимологию фамилии *Гримайло* можно объяснить как результат ошибки писца. Вероятнее всего, *Гримайло* должно быть *Тримайло* (< укр. тримати «держать»).

Этимологии фамилий в большинстве своем гипотетичны, так как факт и мотив именованья не зафиксирован письменно.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ХОРВАТИИ В XIX В.: ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Королькова П. В.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Современный хорватский язык наряду с французским является одним из наиболее пуристических языков в современной Европе, в то время как близкородственному сербскому языку такие тенденции свойственны в гораздо меньшей степени. Однако на протяжении истории тенденции в языковой политике у хорватов были далеко не всегда одинаковыми, а порой полностью противоположными. В докладе мы представим обзор языковой ситуации в хорватских землях в XIX в. начиная с правления Наполеона и периода Иллирийских провинций и заканчивая Первой мировой войной, опираясь на законопроекты и законы о хорватском языке. Мы рассмотрим влияние субъектов внешней и внутренней политики на формирование литературного языка хорватов, проанализируем попытки его кодификации и стандартизации грамматистами, лингвистами и лексикографами, дадим обзор правовых положений и законов, связанных с хорватским литературным языком, а также посмотрим, как языковая политика реализуется в это время в системе школьного и университетского образования. Мы рассмотрим, каким видели хорватский язык и его будущее такие филологи, как Франческо Аппендини, Бартол Кашич, Шиме Старчевич, Людевит Гай, Анте Кузманич, Вьекослав Бабукич, Антун Мажуранич, Адольф Вебер Ткалчевич, Богослав Шулек, Иван Броз и др.

Это время выбрано нами как период жарких споров относительно путей развития хорватского литературного языка, отзвуки которых мы находим в языковой политике у хорватов в XX в. и даже сегодня. Период наполеоновского правления связан с попытками конструирования единого литературного языка всех южных славян, чьи земли вошли в состав Иллирийских провинций (с целью консолидации населения в его поддержке Наполеоновскому правлению). Эти попытки увенчаются успехом в эпоху национального возрождения (иллиризма), а в 1850 г., сопротивляясь мадьяризации, германизации и италянизации, ряд видных хорватских и сербских деятелей возрождения подпишет Венский договор о едином литературном языке сербов и хорватов. Впрочем, не все филологи поддержали тогда идеи Вука Караджича и Людевита Гая – представители Задарской филологической школы радели за икавскую произносительную норму и сохранение далматинских литературных традиций, представители Риекской школы выступали за стандартизацию хорватского языка на основе чаковского диалекта и главенство морфологического принципа правописания (этот принцип представлен в хорватском языке и сегодня, в то время как в сербском он крайне ограничен). В целом вторая половина XIX и начало XX в. отмечены центростремительными тенденциями, хотя их характер в разное время был различным, в то время как политика Королевства Югославии и позже СФРЮ приведет в XX в. к экстремальному языковому пуризму и расшатыванию стандарта.

СЛАВЯНСКИЙ КОСМОГОНИЧЕСКИЙ МИФ В КАРТИНЕ МИРА И ИДИОСТИЛЕ В.И. ВЕРНАДСКОГО

Курьянович А. В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Феноменологию мифа сегодня можно считать ставшей классикой областью гуманитарных исследований, касающихся осмысления онтологии мироздания, основ фило- и культурогенеза. История толкования мифов представлена, в том числе, рядом исследований, в которых миф осмысливается в качестве инструментария в объяснении и построении картины мира (А.Н. Афанасьев, Р. Барт, Ф.И. Буслаев, А.Ф. Лосев, А.А. Потебня, Н.Ф. Сумцов, А.Л. Топорков и др.). Интересной областью научных изысканий является рассмотрение вариантов экзистенции мифологического нарратива в дискурсах разных типов в рамках как коллективной, так и индивидуально-авторской концептуализации в синхронии и диахронии. Наибольшее воздействие на формирование последующего мифотворчества оказали языческие славянские мифы-космогонии: именно в дохристианский период были заложены ключевые мифологемы-универсалии, отражающие представление древних славян о возникновении всего сущего в космосе, включая жизнь на Земле.

Творческий (научный, автобиографический, эпистолярный) дискурс философа и естествоведа В.И. Вернадского представляет вариант авторской интерпретации славянской мифологической космогонии, позволившей ученому выстроить стройную научную теорию об эволюции жизни во Вселенной. Миф в творческом дискурсе В.И. Вернадского является одновременно формой и средством миромоделирования. Целый ряд образов, концептов и нарративов, фигурирующих в мифопоэтическом дискурсе и мифологической картине мира древних славян, находят в индивидуально-авторской картине мира В.И. Вернадского своеобразное воплощение и интерпретацию. В своей научной трактовке классического славянского мифа-космогонии ученый отталкивается от универсальных представлений о человеке как участнике космогонического сюжета, Вселенной как локальной характеристике акта творения, устремленности в будущее, оперируя мифологемами-константами *Земля, Космос, Небо, Вода* и пр. Классический миф содержательно переосмысливается и методологически форматируется Вернадским. Автор использует способ «мыслечувствования» как эмпирический метод научно-интуитивного познания («...*тут я выхожу за пределы точного знания*»¹), признает активную творческую роль человеческого разума и трудовой созидательной деятельности, а также значимости естественных наук в познании мира и объяснении исторических закономерностей (идея «живого вещества» как субстанции ноосферы). Особенности интерпретации космогонического мифа (учения о ноосфере) в картине мира В.И. Вернадского имеют дискурсивную обусловленность в виде совокупности общезначимых (национальных историко-культурных) и индивидуально-авторских (включая идиоконцептуальные, идиолексические и идиостилевые) показателей. Ключевые позиции в картине мира ученого занимают мифологемы-концепты ВСЕЛЕННАЯ – ЖИЗНЬ – ЧЕЛОВЕК – РАЗУМ – МЫСЛЬ – НАУКА. Об этом свидетельствует лингвоконцептологический анализ лексических единиц *миф, космогония, человек, Вселенная, жизнь, дыхание, время, живое вещество, разум, наука* и их ассоциативно-деривационных коррелятов.

Осуществленный анализ вносит вклад в изучение общеславянской картины мира и индивидуально-авторской концептосферы В.И. Вернадского на уровне фрагмента, связанного с осмыслением космогонических представлений, а также механизмов дискурсивной обусловленности концептообразования, диахронного взаимодействия дискурсов разных типов.

¹ Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. – М.: Наука, 1979. – С. 32. (270 с.).

СИСТЕМА ПОЭТИЧЕСКИХ ВОЛЬНОСТЕЙ НА РАННИХ ЭТАПАХ СТАНОВЛЕНИЯ КНИЖНОЙ ПОЭЗИИ

Михайленко А. Ю.

Институт славяноведения РАН, г. Москва

Доклад посвящен проблеме функционирования *поэтических вольностей* в литературной практике поэтов первой половины XVII в. Под *поэтическими вольностями* понимается система версификационных вариантов, основанных на разных видах изменения слов, сознательно используемых авторами для решения различных задач стихосложения, и всегда представляющих собой отступление от существующих представлений о правильности.

Возникновение в XVII в. системы *поэтических вольностей* свидетельствует об изменении функции церковнославянского языка, начинающего обслуживать литературные тексты, в грамматические сочинения вводятся соответствующие разделы. Необходимость введения рубрик о *поэтических вольностях* в грамматические сочинения обусловлена несоответствием церковнославянского языка, на котором создаются поэтические тексты, потребностям стихосложения. Основное внимание уделено изучению *поэтических вольностей*, функционирующих в поэтической практике поэтов *приказной школы* как наиболее раннего поэтического объединения «с выраженным корпоративным сознанием»¹. В докладе на примере поэтических текстов справщика Савватия, Стефана Горчака, сына Стефана Горчака, Петра Самсонова, Алексея Романчукова, Михаила Злобина Ивана Фуникова, Федора Гозвинского, Антония Подольского, Авраамия Палицына, Ивана Шевелева-Наседки, Семена Шаховского, Ивана Хворостинина, Федора Шелешпанского, Алексея Зюзина и др. авторов проводится анализ типов *поэтических вольностей*, функционирующих в поэтических текстах данного периода. Так, например, отступления от стандартного церковнославянского языка встречаются в стихотворной переписке Лариона и Феоктиста: формы 2 лица презенса на **-шь** (*изволишь, узришь*) наряду с *обряцении* («Аще *изволишь* о нужных вопросити, / реку сие, яко подобает ти мою немощ носити...»); в «Послании Алексею Саввичу» Справщика Савватия («Сам много разума *имеешь* / и всякую скудость *разумеешь*»); у Тимофея Акундинова в «Декларации Московскому посольству» («И ныне ты, не иставшиися, и крови *жаждаешь* / и на своего господина клеветный лук *напрягаешь*. / Кто тебе што милой отчизне здавна послугует, / на того твоя ненависть всеу негодует. / Тех древних своих княжат уставы *отверзаешь*, / а новых выродков, мнимых князей, *прямляешь* / и их, наскокателей, *почитаешь* и *обогащаешь*, / а чужими бедами отнюдь ся не *наказуешь*»). В стихотворной переписке Лариона и Феоктиста встречаются формы инфинитива на **-ть** (*написать*): «Но отдам ти завтра рано, и. что *написать*, то избрано».

На протяжении своей истории *поэтические вольности* были средством реализации эстетических и идейных установок авторов при создании поэтического текста, отражали этапы формирования поэтического языка на фоне становления русского литературного языка.

¹ Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. – Л., 1973. – С. 42–52.

ИЗ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА (ОРНИТОНИМ *КУРИЦЯ, КУРКА*)¹

Мокиенко В. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург

Русинская фразеология и паремиология в последнее время стала объектом пристального изучения, поскольку именно она объективно отражает как национальную специфику, так и многоаспектное взаимодействие русинского народа с другими славянскими этнокультурами. Системный сопоставительный анализ показывает целесообразность и эффективность рассмотрения компактных тематических блоков пословиц и поговорок, образуемых на основе конкретной образной доминанты.

Особой фразеологической активностью отличаются так называемые «натуральные» (термин Ст. Скорупки) фразеологизмы и паремии, т.е. пословицы и поговорки, образованные соматическими и анималистическими компонентами. Орнитологическая паремиология – одна из таких активных групп паремиологических анимализмов. Как показывают предыдущие исследования, некоторые из таких русинских лексем (например, *потя*) уходят корнями в праславянскую эпоху, демонстрируя ценность русинского языкового материала для общеславянских реконструкций².

В докладе значимость такого лингвистического выбора иллюстрируется на материале одной из численно представленной подгруппы орнитонимов, образованных на основе лексем *куриця, курка*. По данным общих и специальных фразеологических словарей русинского языка, число таких пословиц и поговорок – 25 единиц. При этом они относительно равномерно распределяются по жанрам малого русинского фольклора:

Поговорки (resp. Фразеологизмы): *Збыв бы пила хижі кури пытати; здохла тот курочка, што дві яйця несла; куряча памнять; курьом на сміх; курячої око.*

Устойчивые сравнения: *голоден, ги мелникова курка; курицьматься ги квѣчка на яйцох; розсілася ги квѣчка; писати ги куриця лабѣв; такий ги мокра куриця; трафилося ги сліпѣв курици зирня; упало му ги сліпѣв курици зирня.*

Пословицы: *Из курьми лігай, а з когутами вставай; Лігай спати из курьми, а вставай з когутом; И сліпѣв курици зирня ся трафить; Кому свальба, а курици смирть; Кому што, а курици зирня; Котра куриця много кодкодаче, тотя ся мало несче; Кури на сідало, баба на лежало; Куриця гребе, обы дашто угребла; Куриця думала та й здохла; Куря квѣцці не розказує; Яйце курицю учить.*

В анализируемую группу паремий можно отнести и словосочетания, которые в строгом смысле слова не относятся к выделенным трем разрядам. Таковы, например, пожелания, основанные на поверьях, которые якобы могут повысить яйценоскость кур: *Присядьте дамало, обы ся у нас кури несли; Ходи на пальцох, кідь хѣчеш имити курицю на яйцох.* Ср. также образное русинское название Плеяд, Семизвездия – *Курички*.

Представленные русинские пословицы и поговорки анализируются в сопоставлении с другими славянскими и неславянскими паремиями. Очерчивается их ареал, определяется их семантика, предлагается их историко-этимологическая и лингвокультурологическая характеристика.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00305 «Русинская фразеология на славянском фоне: лингвокультурологический комментарий и лексикографическое описание».

² Мокиенко В.М. Праславянский след в русинской лексике и паремиологии // Славянские языки в условиях современных вызовов. Международная научная конференция 18–19 октября 2021 года. Тезисы конференции. – Томск: Национальный исследовательский государственный университет, 2021. – С. 29.

РУССКАЯ РЕЧЬ В КИТАЙСКОМ ТРЕХРЕЧЬЕ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Оглезнева Е. А.

Томский государственный архитектурно-строительный университет, г. Томск

Пустовалов О. В.

Хэйхэский университет, г. Хэйхэ (КНР)

Объектом анализа в докладе выступает русская речь потомков переселенцев из России в китайское Трехречье, а именно в район Внутренняя Монголия КНР, в XX в.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения различных форм бытования современного русского национального языка, в том числе в зарубежье.

Источником для изучения русского языка в китайском Трехречье выступили как устные, так и письменные материалы, собранные авторами в 2017-2018 гг. во время научных экспедиций в Эньхэ-Русскую национальную волость и г. Лабудалинь (КНР).

При исследовании русской речи потомков переселенцев из России в китайское Трехречье с помощью метода речевого портретирования было обнаружено наличие в ней отклонений от норм русского литературного языка. Это можно объяснить несколькими причинами: бытованием русского языка в диалектной форме, а также влиянием китайского языка – интерференцией.

Было установлено, что русские говоры Трехречья генетически связаны с русскими говорами Восточного Забайкалья, а те, в свою очередь, генетически связаны с севернорусскими говорами. Диалектные особенности русских говоров китайского Трехречья позволяют отнести их к говорам переходного типа на севернорусской основе. Отсутствие внешних факторов влияния на диалектный русский язык со стороны других его идиомов обусловило консервацию диалектной формы русского языка в Трехречье до начала XXI в.

Диалектное своеобразие русской речи в Трехречье описано на разных уровнях языковой системы: в фонетике, морфологии, синтаксисе и лексике. Диалектная речь некоторых информантов представляет собой уникальную форму «чистого, неразворенного диалекта».

В докладе рассматриваются отклонения, представляющие собой случаи межъязыковой интерференции, возникшие в результате влияния китайского языка на русскую диалектную систему в Трехречье. Отмечена фонетическая, морфологическая, синтаксическая и лексическая интерференция, проанализированы типичные ее проявления. Определены факторы, которые влияют на интенсивность проявления интерференции: поколение, образование, профессия, языковая среда.

Описание активных зон взаимодействия типологически разных китайского и русского языков, детерминирование участков интерференции в русской речи билингвов позволило обнаружить «слабые участки» системы русского языка в ситуации русско-китайского билингвизма.

Выводы исследования характеризуются безусловной новизной: изучен один из вариантов существования русского языка в зарубежье, а именно – в восточном зарубежье – в китайском Трехречье, специфика которого проявляется в сохранении в нем русской диалектной основы и интерференции под влиянием китайского языка, что представляет собой малоизученный факт русской языковой действительности в эмиграции.

ПОЛЕМИКА О ТРАНСКРИПЦИОННОЙ СИСТЕМЕ ПАЛЛАДИЯ В СЕТЕВОМ ДИСКУРСЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ

Орлова О. В.

Томский государственный педагогический университет, г. Томск

Как известно, одной из первых отечественных систем транскрипции китайских иероглифов стала самая старая система транскрипции с иностранного языка на русский и до сих пор применяемая практически без изменений палладица, обретшая свой современный вид в «Китайско-русском словаре» 1888 г. архимандрита Палладия (П.И. Кафарова) и П.С. Попова, в связи с публикацией которого и получила свое название. Если говорить о других славянских языках, использующих кириллицу, например, белорусском, украинском и болгарском, то традиционная русская транскрипция лежит в основе разработки всех других кириллических и все они схожи с системой Палладия с учетом особенностей фонетики и звукообозначения в разных языках. В то же время даже в академических кругах периодически возникает довольно острая полемика, поскольку палладица не может считаться фонетической записью современной звучащей китайской речи на путунхуа и не решает проблемы практической транскрипции и транслитерации с китайского языка на русский.

В настоящее время популярной темой русскоязычных «китаеориентированных» пабликов и публикаций является обсуждение достоинств и недостатков палладицы. Достаточно перечислить заголовки материалов (*О «неверности» системы Палладия; Палладица: за и против; Палладий, великий и ужасный; «Проклятие» Палладия; А вы за использование палладицы или против?*), чтобы обнаружить в стоящем за концептом палладица в обыденном русскоязычном языковом сознании дуализм оппозитивных смыслов и эмоционально-оценочную энантиосемию.

Кроме того, в коммуникации непрофессиональных и полупрофессиональных китаистов нередко проявляется стереотип об излишней сложности системы Палладия, а также о ее неспособности адекватно отражать звуковой строй современной китайской речи путунхуа, что порождает призывы к разработке новой, более адекватной транскрипционной системы: *Палладица – конченная система, это все осознают; Так зачем было выдумывать такую дурацкую транскрипцию?; <...> она просто безбожно устарела; Такой это ужас, давно бы уже что-то более адекватное придумали!* На данные претензии со стороны обыденной лингвистики научная лингвистика в лице авторитетных представителей сетевого комьюнити реагирует, используя стратегию просвещения и обосновывая оптимальность системы Палладия в условиях принципиальной невозможности создания точной и правильной системы китайско-русской транскрипции, что обусловлено кардинальными различиями двух фонетических систем.

**ИДИОЛЕКТАЛЬНОЕ И УЗУАЛЬНОЕ В СИТУАЦИИ КОНТАКТА:
ПОЛЬСКО-УКРАИНСКИЙ БИЛИНГВИЗМ
В СКАЗКАХ СПИРИДОНА ОСТАШЕВСКОГО (1797–1875)**

Остапчук О. А.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Польско-украинский литературный билингвизм, сформировавшийся на Правобережье в середине XIX в., явился, с одной стороны, своеобразным ответом на официальную языковую политику Российской империи, а с другой – реакцией на постепенную демократизацию коммуникативного пространства. Так, в среде местной польскоязычной элиты в этот период одной из характерных моделей речевого поведения становится сознательное продвижение украинской речи, маркированной в языковом сознании как «низкий», но также «народный», в сферу широко понимаемой культуры.

Одним из представителей «украинской школы» в польской поэзии стал участник обоих польских восстаний (1831 и 1863 гг.) подольский дворянин Спиридон Осташевский (1797–1875). Перу С. Осташевского принадлежат, в частности, два сборника стилизованных под народные стихотворных сказок „*Piv kopy kazok napysaw dlja vesoloho myra...*” (Wilno 1850) и „*Piv sotni kazok*” (Kijów 1851). Ориентация на потенциального читателя «из народа» обусловила выбор языковой формы произведений, максимально приближенной к разговорному украинскому, а нередко и диалектному узусу. Язык сказок С. Осташевского является также ценным материалом для исследования лингвистических последствий польско-украинского языкового контакта.

Для передачи украинской речи автор использует польскую латиницу, что позволило отразить некоторые ее важные фонетические особенности (например, для обозначения звука промежуточной артикуляции *e^u* был введен особый знак *ě*). В то же время перенесение в украинский текст польских графем *ś, ź, ć*, закрепленных за мягкими среднеязычными согласными, оставляет открытым вопрос об их качестве, учитывая наличие в зоне диалектной конвергенции зубных звуков смешанной артикуляции. Целый ряд обнаруженных в текстах С. Осташевского особенностей свидетельствует об активном процессе польско-украинской интерференции, что хорошо заметно на уровне грамматики. Так, здесь отмечаются колебания в родовой принадлежности слов (*нічний тень* – муж. род вм. жен. ср. пол. *nosny cień*), изменения грамматической валентности по польскому образцу (*мусила уступити, щоб уйти згубі* ср. пол. *ujść czemu; баба як по часі прийшла*, ср. пол. *po czasie*), гибридные грамматические формы глаголов (*тягнесь* ср. пол. *ciągnie się*, укр. *тягнеться, кланяєсь* ср. пол. *klania się*, укр. *кланяється*). Ряд грамматических особенностей, отмеченных в текстах С. Осташевского, прямо отражает диалектный или архаичный узус, одновременно демонстрируя поддерживающее польское влияние. Это касается, в частности, местоименного склонения (*твоєї мати* ср. пол. *twojej*, укр. *твоєї; не має лихой долі* ср. пол. *złej*, укр. *лихої*), специфики выражения категории лица в прошедшем времени глаголов (*писав-єм (писавем) для себе* ср. пол. *pisalem*), подвижности возвратной частицы *ся* (*козак ся налякав; Що тільки вам ся хоче, будете мати*) и др. Взаимодействие польского и украинского языков на уровне лексики и фразеологии проявляется в целом ряде особенностей, включая узуральные заимствования, неосемантизмы, кальки и гибридные образования. Один из важнейших методологических вопросов, который приходится решать при анализе как грамматических, так и лексико-фразеологических интерферем, связан с установлением степени узуральности таких образований.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ТАТАРСКО-РУССКОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ: КОГНИТИВНАЯ ОБРАБОТКА ПАДЕЖНЫХ ФОРМ¹

Палий В. Е., Резанова З. И.

Томский государственный университет, г. Томск

Основная задача исследования – поиск экспериментальных доказательств наличия или отсутствия влияния родного татарского языка, принадлежащего к тюркской языковой группе, при обработке грамматических форм второго русского языка.

Доклад базируется на данных корпусного исследования речевых практик татарско-русских билингвов, полученных рамках проекта «Языковое и культурное разнообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур». Анализ текстовых данных корпуса устной речи тюркско-русских билингвов RuTuBiC² выявил в общем малом количестве отклонений от речевого стандарта (ОРС), обусловленных интерферентным влиянием родных тюркских языков билингвов, преобладающим типом ОРС в сфере грамматики, использование форм падежного и предложно-падежного управления и согласования по роду.³ Выявленные закономерности позволили сформулировать гипотезы о специфике когнитивной обработки единиц, находящихся в зонах наибольшего варьирования, и проверить их в серии психолингвистических поведенческих экспериментов и использованием окулографического оборудования и фиксации движения глаза при чтении. Движения глаз были записаны с помощью EyeLink1000+ (SR Research, Canada) с частотой 1000 Гц. Данные были извлечены с помощью программы DataViewer (Interest Area Report). Обработка данных была проведена в программе Rstudio на языке R.

В результате проведенных экспериментов было выявлено, что характерные для билингвов отклонения от речевого стандарта русского языка также проявляются и при обработке речи. Наиболее показательный результат был обнаружен при анализе когнитивной обработки локативных конструкций. В результате корпусного исследования было выявлено, что билингвы имеют тенденцию к пропуску предлога или же к употреблению зависимого имени существительного в именительном падеже. Поскольку билингвами опускался только предлог **В**, был сделан вывод о влиянии диалектной фонетики. Статистический анализ показал, что оба варианта отклонения от речевого стандарта воспринимаются билингвами как «типичные», однако употребление существительного в именительного падеже вместо предложного имеет паттерн более быстрой когнитивной обработки, чем при пропуске предлога. В связи с этим целесообразно заключить, что употребление локатива в именительном падеже продиктовано структурными особенностями тюркских языков в большей степени, чем пропуск предлога.

¹ Исследование проводилось в рамках Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

² Rezanova Z. I Temnikova I. G. Artemenko E. D. Stepanenko A. A. Dat sy uk V. V. Dybo A. V. The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019). Выпуск 18. Дополнительный том, с. 200-210. – http://www.dialog-21.ru/media/4870/_-dialog2019scopusvolplus.pdf

³ Резанова З. И., Дыбо А. В. Языковое взаимодействие в речевых практиках шорско-русских билингвов Южной Сибири // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21., № 2 (187). – С. 205-206.

РУССКАЯ РЕЧЬ В ЗОНЕ ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТИРОВАНИЯ: АКТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ОТКЛОНЕНИЙ ОТ РЕЧЕВОГО СТАНДАРТА¹

Резанова З. И., Коршунова И. С.

Томский государственный университет, г. Томск

Славянские языки характеризуются весьма вариативными типами контактирования, противопоставленными как по социальным-политическим, культурным условиям, так и собственно лингвистическим. Русский язык, простирающийся на евразийском пространстве, вступает в активные взаимодействия с другими языками как в районах своего пограничья, так и на обширных территориях своего функционального доминирования, что обуславливает формирование особых зон использования русского языка, формирование особых территориальных вариантов, границы которых функционально подвижны, языковые особенности динамичны.

В докладе мы обращаемся к характеристике особенностей функционального варианта русского языка, формируемого в местах компактного проживания носителей шорского, хакасского и татарского языков на юге Западной Сибири. Рассматриваются актуальные речевые явления, в том числе внутриязыковая и межъязыковая интерференция.

Данный подход был реализован в созданном в проекте «Языковое и этнокультурное многообразие Южной Сибири: взаимодействие языков и культур», в корпусе устной русской речи RuTuBiC², в котором наряду со стандартной морфологической разметкой была реализована ручная разметка отклонений от речевого стандарта (ОРС). Прослеживается соотношение ОРС на разных уровнях языковой системы недифференцированно по источникам, по факторам, их обуславливающим, выявляется корреляции варьирования ОРС и материнского языка (шорский, татарский, хакасский), возраста и образования респондентов.

В настоящее время в корпусе размеченный по ОРС подкорпус составляет – 40 часов 3 минуты 21 секунда, представлено 32 аудиозаписи 28 респондентов, среди них носители первых, материнских языков распределились следующим образом: татарский – 7, хакасский – 6, шорский – 15; распределение по уровню образования: начальное и неполное среднее – 4 (до 9 класса), среднее и среднее специальное – 6, незаконченное высшее и высшее – 18; по возрастным группам: первая группа (до 35 лет) – 5; вторая возрастная группа (от 35 до 65 лет) – 15; третья возрастная группа (от 65 лет) – 8. Был проведен статистический анализ распределения и соотношения типа ОРС от усредненной норм русского литературного языка, зафиксированных в академических словарях и грамматиках, в речевых практиках представителей территориального варианта русского языка, обнаруживающих разнонаправленные тенденции в данном отношении в условиях языкового контактирования.

Результаты проведенного анализа показали, что ведущими являются отклонения, обусловленные устной формой коммуникации, – дискурсивные (хезитация и коммуникативно не завершенные высказывания) и синтаксические (нарушение норм согласования), фонетические (нарушения норм произношения), преобладание индивидуальных различий над групповыми (отнесенность к социальным группам по уровню образования, возрасту, родному языку).

¹ Исследование проводилось в рамках Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

² Rezanova Z. I Temnikova I. G. Artemenko E. D. Stepanenko A. A. Dat sy uk V. V. Dybo A. V. The Bimodal corpus of Russian-turkic bilinguals' speech (RuTuBiC) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог» (2019). Выпуск 18. Дополнительный том, с. 200-210. – http://www.dialog-21.ru/media/4870/_dialog2019scopusvolplus.pdf

О ПЕРЕВОДЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ (СЕМЕЙНЫЕ ПОСОБИЯ)

Саболова Д., Кашова М.

Прешовский университет, г. Прешов (Словакия)

В докладе внимание обращается на отдельные лексические единицы, употребляемые в социальной сфере. Цель данного доклада – показать важность адекватного понимания текста исходного языка, так как неправильно понятый текст обычно приводит к его неверному толкованию на целевом языке и таким образом может вести к некорректной интерпретации.

Социальная сфера в отдельных странах связана с правовой системой данного государства и основывается на законах и постановлениях соответствующих министерств. Социальная сфера включает в себя большое количество услуг, различных структур, а также всевозможных мер и предложений. Исходя из этого важным считается не только владение техникой перевода, но и основательное знание экстралингвистических факторов, так как перевод представляет собой не только передачу языка, но и трансляцию реалий, необходимой информации, закрепленной за отдельными понятиями. Авторами подчеркивается важность учета межкультурного аспекта, поскольку сопоставляются системы социального права трех немецкоязычных государств: ФРГ, Австрийской республики и Швейцарской конфедерации, – и государств славянского мира: Словацкой республики, Чешской республики и Российской Федерации.

В статье дан сопоставительный анализ некоторых лексических единиц, употребляемых в рассматриваемой сфере, причем в центре внимания находится лексика, отражающая сферу поддержки семьи. Отдельные государства оказывают разного рода поддержку семьям уже начиная со стадии беременности, во время декретного отпуска, далее речь идет о выплатах разного рода: пособие, выплачиваемые в связи с родами, пособие на ребенка и по уходу за ребенком.

Материалом для исследования послужили онлайн ресурсы – газеты, журналы и другие источники, освещающие семейную тематику. Полученные актуальные лексические единицы (термины и нетерминологическая лексика) были далее переведены на другие языки и сверены с официальными сайтами соответствующих социальных учреждений.

Следует отметить, что часть из рассматриваемых реалий относится ко всем исследуемым странам и языкам, часть свойственна только отдельным странам и их языкам, причем значительная часть лексики, отличающаяся по форме, имеет схожее содержание в анализируемых языках. Особое внимание уделяется реалиям и соответственно лексике, которая характерна для одного или двух языков. Кроме того, внимание направлено на корректность перевода безэквивалентной лексики, его герменевтическую значимость, т.к. эти слова и выражения представляют серьезные вызовы для переводчика.

**К ВОПРОСУ О БОЛГАРСКИХ ПРОЗВИЩАХ
(НА ПРИМЕРЕ ОБРАЗА БЫВШЕГО ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА РЕСПУБЛИКИ
БОЛГАРИИ Б. БОРИСОВА В БОЛГАРСКИХ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ)**

Сергунина М. Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва

Антропонимическое прозвище может считаться одним из способов выражения оценки в конкретном социуме. Как отмечают Г.Г. Молчанова и В.В. Робустова, с точки зрения лингвокультурологических исследований антропонимическое прозвище является одним из главных языковых и культурных фактов жизни общества, отражающих особенности когнитивной переработки субъектом информации, связанной с восприятием и оценкой окружающего мира и окружающих людей¹.

С.Г. Тер-Минасова отмечает, что «язык, несущий в себе огромный заряд культуры, идеологии, системы ценностей, образа жизни, отношений между людьми играет – увы! – определенную роль в развитии агрессии»².

Характерная для антропонимического прозвища оценочность зачастую выражает отношение человека к ситуации в стране и мире, самому себе и другим людям, в них отражена культурная и языковая информации, различные ассоциации, обусловленные национальной культурой и менталитетом.

Что касается прозвищ, присваиваемых политическим деятелям, в большинстве случаев они отражают оценку их деятельности и их личностных качеств.

Материал исследования – статьи электронных СМИ Болгарии и комментарии к ним (сайты mediapool.bg, pik.bg, dnevnik.bg, fakti.bg и др.), посвященные актуальным политическим событиям.

В докладе рассматриваются эксцерпированные антропонимические прозвища и номинации прозвищного характера, способы их образования и основные словообразовательные модели, а также их функционирование в речи.

Таким образом, прозвища, как "динамический индикатор настроений окружающих"³ позволяют проследить эволюцию образа бывшего премьер-министра Республики Болгарии в глазах болгар.

¹ Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С.71.

² Тер-Минасова С.Г. Культурные и языковые аспекты национальной безопасности // Язык, литература и культура как грани межкультурного общения: Сборник статей и научных сообщений Международного научного семинара, 26 октября 2014 года – 2 ноября 2014 года. – Прага, Чешская Республика. Pilsen: University of West Bohemia, 2015. – С. 21–29.

³ Вишнякова О.Д., Александрова В.А. Антропонимическое прозвище как индикатор оценочности в политическом дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 2. – С.80.

Ю. А. ЯВОРСКИЙ И КАРПАТСКАЯ РУСЬ

Суляк С. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург
Тараклийский государственный университет, г. Тараклия (Молдова)

Юлиан Андреевич Яворский (27 ноября 1873 – 11 января 1937) – галицко-русский историк, литературовед, фольклорист, поэт, общественный деятель. Родился в с. Бильче на Бойковщине (Галичина, Австро-Венгрия, ныне – Львовская обл. Украины). Учился в дрогобычской, самборской и львовской гимназиях, из последней был исключен за чтение русской литературы во время уроков. Поступил во Львовский университет, был исключен за участие в студенческой демонстрации против наместника гр. Бадени. Поступил в Венский университет, был отчислен и арестован за организацию демонстрации против галицко-русского униатского митрополита, кардинала Сильвестра Сембратовича, проводившего украинофильскую политику. В 1896 г. окончил Черновицкий университет (кандидат славянской филологии).

Ю.А. Яворский переехал во Львов, где занимался литературным и научным трудом. В 1899 г. издавал литературно-общественный журнал «Живое слово», в 1901–1902 гг. состоял секретарем Львовского научно-литературного общества «Галицко-русская матица». В 1903 г. переехал в Вену, где продолжил свои научные исследования по филологии. Защитил докторскую диссертацию по славянской филологии в Венском университете у профессора И.В. Ягича. Затем преподавал в польской гимназии в г. Ряшеве (Западная Галиция).

С 1904 по 1920 гг. жил в Киеве, преподавал в гимназии. В 1914 г. – приват-доцент, с 1915 г. – доцент кафедры русской литературы Киевского университета. В Киеве он занимался исследованием древнерусских литературных памятников и фольклорных произведений.

В начале войны стал одним из создателей и председателем «Карпато-русского освободительного комитета» (был создан 11 августа (29 июля) 1914 г. в Киеве, прекратил свою деятельность 22 (9) сентября 1914 г., после взятия Львова русскими войсками). Участвовал в учредительном собрании «Русского народного совета» (с 1915 г. – «Русского народного совета Прикарпатской Руси») 9 (22) сентября 1914 г. во Львове. Вошёл в состав совета. Летом 1915 г. совет был эвакуирован в Киев, с сентября – в Ростов-на-Дону. С 1915 по 1920 г. организация координировала деятельность галичан в России, организовала Карпато-русский отряд в составе Добровольческой армии.

В 1920 г. Ю.А. Яворскому предложили возглавить кафедру славяноведения Воронежского университета, однако он не принял большевистский переворот и вернулся в Галицию, ставшую частью Польши. С 1921 по 1924 г. жил во Львове, издавал газету «Прикарпатская Русь», был управляющим библиотекой и музеями Русского народного института «Народный Дом». Здесь Юлиан Яворский опубликовал два сборника стихов, навеянных трагедией русского движения во время Первой мировой войны, участвовал в подготовке и выпуске «Талергофского альманаха». В 1925 г. эмигрировал в Чехословакию, где преподавал в Русской реформированной реальной гимназии в г. Моравска-Тршебова. Позже переехал в Прагу, возглавил кружок по изучению Подкарпатской Руси при Русском народном университете, стал членом Учебной коллегии при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР, был чрезвычайным членом культурного отдела Комитета по исследованию Словакии и Подкарпатской Руси при Славянском институте в Праге, издал ряд работ по истории литературы и словесности. Умер в Праге.

Ю.А. Яворский написал около сотни научно-литературных трудов, среди них: «Пушкин в Прикарпатской Руси» (1899), «Гоголь в Червонной Руси» (1904), «Галицкая Голгофа» (1924), «Освобождение Львова» (1925), «Думы о Родине» (1925), «Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI–XVIII веков» (1931), «Материалы для истории старинной песенной литературы в Подкарпатской Руси» (1934), «Значение и место Закарпатья в общей схеме русской письменности» (1930).

ПОНЯТИЕ «ПОКОРНЫЙ» В ИСТОРИИ РУСИНСКОГО ЯЗЫКА

Толстик С. А.

Томский государственный университет, г. Томск

В русинском языке понятие «покорный» выражают прилагательные *покорный*, *покорливый* и *резігнований*. Доминантой синонимического ряда является лексема *покорный*.

С целью выявить особенности формирования понятия «покорный» в русинском языке была проанализирована семантическая структура этих лексических единиц в истории языка. *Покорный* характеризует структуру анализируемого понятия как состоящего из признаков: ‘подчиняющийся во всем, послушный’ (о человеке) и ‘выражающий покорность’. *Покорливый* выражает признак ‘послушный, покладистый’ как характеристику не социальных, а межличностных отношений. Однокорневые *покора*, *покорность*, *покорно* также выражают признак послушания. Префиксальное *упокореня* имеет значение ‘унижение, пресмыкание’ как внешнее выражение подчинения.

Русинский язык формировался в окружении таких славянских языков, как украинский, польский, словацкий, поэтому следует в них посмотреть семантическую структуру *покорный*. В украинском и словацком представлен один признак, характеризующий личную зависимость – ‘послушный’, в староукраинском есть социальная характеристика – ‘вассально зависимый’, в польском языке – оба признака как социального, так и личностного характера: ‘униженный’ и ‘послушный’.

Для уточнения формирования семантики материал был рассмотрен в древнерусском языке, где представлено значение послушания в семантике прилагательного старославянского происхождения *покорливый*. *Покорный* изначально характеризовало социальную подчиненность – ‘подчиняющийся власти’, позже и личное подчинение. Производящий глагол *покорити(ся)* ← праслав. **(po)koriti* имел исходное значение ‘признать унижение, отречься от прав’. Развитие семантики в славянских языках шло от речевого значения: ‘отрекающийся, отказывающийся (от прав), признающий унижение’ → ‘подчиняющийся (власти)’ → ‘послушный, покладистый’.

Слово *резігнований* представлено в русинском языке как ‘послушный’, но реализация понятия «покорный» прослеживается и в однокорневых *резігнация*, *резігновать*, которые развивают семантику не только послушания, но и отказа от части своих прав.

Анализируемое прилагательное наблюдается и в контактных языках – словацком, польском, украинском. Адъектив *резігнований* (отпричастная форма) пришло в русинский язык из польск. *rezygnowany*. В польский и другие славянские языки этот материал был заимствован из европейских языков (фр. *resignation*, нем. *Resignation*. ‘покорность судьбе, смирение, безропотность’ ← ср.-лат. *resignatio* ‘отречение’ ← лат. *resignare* ‘отменять, объявлять недействительным’ ← ‘снимать печать, вскрывать’). В ряде других славянских языков эта лексика также имеет семантику послушания и отказа от (части) своих прав (польск., кашуб., укр., словц., чешск., русск. и в нек. др.), где фиксируется с начала XIX в.

Понятие «покорный» в русинском языке изменилось в связи развитием социума, что отражает переход к новым социальным отношениям – вассальной зависимости. Если унаследованное из древнерусского *покорный* выражает насильственный отказ от прав вследствие силового покорения, церковнославянизм *покорливый* выражает покорность, отказ по своей воле, то пришедшее из западноевропейского мира *резігнований* – уже добровольный отказ, отражающий другое основание покорности.

ПОЛЬСКИЕ И РУССКИЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ИМЕНА В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Трофимова О. В.

Тюменский государственный университет, г. Тюмень

Актуальность исследования определяется тем, что польские имена действия (*rzeczownik odczasownikowy, rzeczownik odsłowny, odsłownik*), образование которых возможно практически от любого глагола, представляют специфическую для польского языка морфологическую категорию. Спектр их потенциальных переводов на русский язык для каждой отглагольной единицы (представленной в словаре польского языка под ред. В. Дорошевского¹ или как словоформа (*forma rzeczownikowa czas.*) (вариант А), или как словоформа и однокоренная лексема-субстантив, часто со стилистическими пометами (В), или только как субстантив (С)) зависит от возможностей русского отглагольного словообразования, «восполняемых» разными синтаксическими конструкциями.

Материал исследования – мемуары польской ссыльной Эвы Фелиньской² о ее пребывании в Берёзово в 1839–1841 гг. Объект исследования – польские имена действия на *-nie* и их русские корреляты, предлагаемые классическими польско-русскими³ и онлайн-словарями⁴.

В докладе рассматриваются в диахроническом аспекте пять групп польских имен действия, полученных вследствие сопоставления материалов словаря под ред. В. Дорошевского и словаря Д. Гессена, Р. Стыпулы:

1) А – перевод только глаголом (*bojowanie: forma rzeczownikowa czas. bojować – bojować книжн. ратовать, воевать, бороться*);

2) А – перевод, как правило, девербативом, в том числе на *-nie* (*czuwanie: f. rzecz. czas. czuwać – 1. бодрствование; 2. наблюдение, присмотр, забота*);

3) А – «двойной» перевод: 1. «сущ. от» + inf; 2. сущ., часто девербатив (*dzwonienie: f. rzecz. czas. dzwonić – 1. сущ. от dzwonić 1; 2. звон, бречание, звяканье*);

4) В – перевод только девербативом, в том числе однокоренным (*dopełnienie: 1. f. rzecz. czas. dopełnić (p. dopełniać); 2. «to, czym się dopełnia <...>»; 3. jęz. in. przedmiot «część zdania <...>» – 1. дополнение; пополнение; добавление; 2. выполнение, исполнение; 3. грам. дополнение*);

5) С – перевод существительными, в том числе девербативом (*marzenie: 1. «działalność wyobraźni <...>»; 2. «myśli pełne ludzących, ponętnych obrazów <...>»; 3. «zespół procesów psychicznych <...>» – мечта, мечтание; грёза*).

В докладе основное внимание обращено на отглагольные имена с этимологически общим корнем, сходной словообразовательной модели, но по-разному представленных в современных вариантах польского и русского языков (типа *dopełnienie – дополнение; dumanie – думание; opustoszenie – опустошение*). Корпусные данные позволяют сделать вывод о большем родстве русского и польского языков в рассматриваемом аспекте в исторической ретроспективе, чем в настоящее время.

¹ Słownik języka polskiego pod red. W. Doroszewskiego. – URL: <http://doroszewski.pwn.pl>

² Wspomnienia z podróży do Syberji, pobytu w Berezowie i w Saratowie; spisane przez Ewę Felińską. Wilno. Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego. 1852. Т. I. 348 s.

³ Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь. В 2-х т. Изд. второе, испр. и доп. М. – Варшава: Русский язык; Ведза повшехна, 1980. Т. 1. 661 с.; Т. 2. 773 с.; Стыпула Р., Ковалёва Г. В. Новый польско-русский словарь. М.: Русский язык – Медиа., 2004. 724 с.

⁴Онлайн-переводчики: URL: <https://translate.google.com>; <https://translate.yandex.ru>; <https://www.deepl.com/translator>.

ПРЕДЛОЖНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РЕЗЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И УПОТРЕБЛЕНИЯ

Фёдорова Л. Л.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Южнославянский резьянский микроязык обнаруживает интересные особенности грамматики и лексики, отличающие его от других славянских языков.

В резьянском языке приняты способы передачи пространственных отношений (местонахождения и направления движения) с помощью предложно-наречных конструкций или составных предлогов, уточняющих значения, типа *dö-na* 'вниз(у) на' (*dö* < *dölu* < **dolb*), *dö-h* 'вниз к', *dö w*, *dö-po* 'вниз по', *ghoré-na* 'вверх(у) на', *won-na* 'вверх на', *wne-w* 'вверху в', *nutrë-w* 'внутри', *nutrë-na* (loc.), *nutär-w*, *nutär-na* (acc.) 'внутри (на)' (часто *ni-w*, *ni-na*).

Обращает на себя внимание порядок компонентов в этих конструкциях, обратный в сравнении с русскими аналогами: *wne-w* – *вовне*, *nutär-w* – *внутри*, *dö-w* – *вдоль*.

Другой важной особенностью предложных конструкций является то, что предлоги в них часто сочетаются в сложные комплексы с местоименно-наречными частицами *ta* и *tu* ('там, туда'), причем эти частицы уже не имеют собственного лексического значения и используются не только в локативных, но и во временных значениях: *tu-w njïwo* 'в поле', *tu-w noće* 'ночью', *ta-h hïše* 'к дому', *ta-prad Vinahte* 'перед Рождеством', *ta-na Hliwcë* 'на Хливце', *tu-wnë na hlivë* 'вверху на конюшне', *tu-wne- na hïše* 'вверху на доме' и др.

Для резьянской фразы обычны двухкомпонентные предложные конструкции, но встречаются и трехкомпонентные:

bet ta-dö-na Bile 'быть (там-)внизу-на Биле' – в Резьюте;

bet ta-dö-w Bile 'быть (там-)внизу-в Биле' – в Сан-Джорджо¹.

Наличие двойных предлогов может быть связано с необходимостью более точной ориентации в окружающем пространстве Резьянской долины, окруженной Альпийскими горами.

При достаточно свободной сочетаемости компонентов для выражения различных значений порядок компонентов устойчив – от более общего к более конкретному: местоименно-наречная частица *tu-/ta-* + наречный предлог + первообразный предлог. Причем любой из компонентов цепочки может отсутствовать.

Представляется интересным выяснить различие указанных двух частиц и особенности их употребления. Для этого был проведен анализ 100 примеров конструкций из «Опыта резьянской фонетики» Бодуэна де Куртенэ², а также примеров из его записей резьянских текстов, в том числе «Резьянского катехизиса», и примеров из современных резьянских текстов³.

Возможно здесь усмотреть некоторое контактное влияние итальянского и фриульского языков, однако в них есть существенные отличия от резьянской модели.

¹ Clemente N. Introduzione alla lingua resiana, Udine, 2020.

² Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров с приложением: «Резьянский катехизис» / [Соч.] И. Бодуэна-де-Куртенэ. (I. Baudouin de Courtenay). Варшава: Э. Венде и К^о; Санкт-Петербург: Д.Е. Кожанчиков, 1875.

³ Biside-ta-na-traku . Le parole su nastro. Besede na traku. Associazione Culturale „Museo della Gente della Val Resia”. Udine, 2009.

СЕМАНТИКА СМЯГЧИТЕЛЬНОСТИ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ)

Филь Ю. В., Конончук И. Я.

Томский государственный университет, г. Томск

Среди черт, свойственных менталитету славян, выделяют нерациональность и неагентивность, эмоциональность, склонность к рефлексии и саморефлексии, яркой оценочности. Подтверждением этому служат характеризующиеся высокой частотностью в современном русском языке (а также в некоторых других славянских языках) имена с диминутивной семантикой и глаголы со смягчительной семантикой, указывающие на смягченный характер обозначаемого действия, выполненного не в полной мере и/или оцененного как таковое. В широком понимании термина *смягчительность* подобные значения тесно связаны с ограничительными («делать что-либо слегка, не прилагая особых усилий, не в полную меру, недолго, некоторое время») и передаются обычно в славянских языках при обозначении действия единицами с префиксами ПО-, ПРИ-, реже ПОД- и их аналогами.

Данный доклад посвящен исследованию глаголов со смягчительной семантикой в старославянском языке. Данные единицы представлены в древних славянских языках, о чем свидетельствуют лексикографические источники, при этом количество единиц со значением неполноты и ограниченности действия, зафиксированное в Старославянском словаре (по рукописям X–XI вв.) и в Словаре старославянского языка Чешской академии наук, крайне незначительно (не более 10), несмотря на имеющиеся у древнегреческих аналогов славянских «смягчительных» префиксов *ὀλο*, *παρά* сходной семантики, а именно – «приблизительность качества», «незначительность действия, ее малая степень». Как и в случае с современными славянскими приставками, в этом случае пространственные значения приближения к чему-либо трансформируются в значения временные и количественные для обозначения незначительности производимого действия, его подобности действию, выполненному в полной мере.

Возникает вопрос, с чем связано малое количество «смягчительных» глаголов в старославянском языке, ответов на который, как представляется, два. Во-первых, для старославянских текстов значения смягчительности не представлялись значимыми, в центре внимания оказывались вопросы веры, духовной жизни человека, его жизненных установок и ценностей. Во-вторых, полный спектр значений славянских приставок, в том числе смягчительности, неполноты, ограниченности, сложился позднее. Полный церковнославянский словарь Григория Дьяченко, Словарь русского языка XI–XVII вв., Материалы для Словаря древнерусского языка свидетельствуют о значительно большем (по сравнению с зафиксированными в словарях старославянского языка) количестве глаголов со значением неполноты действия. Проведенный анализ данных единиц демонстрирует значимость для носителя языка данного типа семантики, характеризующего обозначаемые действия с количественного, результативного, временного и других аспектов.

ПРОБЛЕМЫ И СОСТОЯНИЕ ПРЕПОДАВАНИЯ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА РУССКОГОВОРЯЩИМ

Хазанова М. И.

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва

Преподавание украинского языка сталкивается с рядом специфических трудностей. Учитывая особенности языковой ситуации Украины (все население этой страны является билингвами с активным владением либо украинским, либо русским, либо – в более редких случаях – другим языком), то изучение украинского языка на Украине и в России ведется с принципиально разных позиций, даже несмотря на близкое родство обоих языков. Таким образом, невозможно поставить знак равенства между русскоговорящими, решившими изучить украинский язык, в России и на Украине.

В России существует значительный вакуум методического обеспечения обучения украинскому языку. Так, полноценных учебных курсов для русскоговорящих существует мало (Г.М. Лесная, 2010), в основном на рынке представлены самоучители (И.Ф. Ющук, 1992; З. Терлак, О. Сербенська, 1999; Ю.А. Жлуктенко, Е.А. Карпиловская, В.И. Ярмач, 1991; И.Р. Выхованец, Е.А. Карпиловская, Н.Ф. Клименко, 1993 и др.). Так же на рынке представлены несколько специфических пособий для обучения отдельным аспектам языка (В.М. Мокиенко, А.М. Архангельская, Е.П. Левченко, 2013 – для обучения разговорной речи; тематические словари, пособия по культуре речи и т.д.).

Основная проблема перечисленных изданий, с одной стороны, состоит в их скромном объеме, а с другой – в относительной бедности лексического наполнения. Подобные издания, при всем их достоинстве, вряд ли могли бы использоваться при длительном и основательном обучении языку. Очевидно, что подобная методическая неразработанность является ответом на потребности рынка: потребность в изучении украинского языка возникает редко, вероятно, реже, чем большинства других славянских языков, что связано во многом с билингвизмом украинского населения. Изучение украинского языка – удел либо энтузиастов, потребности которых закрывают имеющиеся пособия с дополнительными материалами в виде СМИ, художественной литературы и кино; либо людей, для которых владение украинским языком – профессиональная необходимость. Речь идет в первую очередь о дипломатах.

Украинское сообщество преимущественно двуязычно, однако делопроизводство ведется исключительно на государственном – украинском – языке, следовательно, для работы с официальными документами владение украинским языком является обязательным. Из приведенного перечня пособий очевидно, что учебников, сочетающих в себе описание грамматического строя языка со специфическим лексическим составом, для русскоговорящих не существует.

Однако украинская ситуация осложняется еще одним специфическим обстоятельством: украинская литературная норма активно развивается, отталкиваясь от русского языка. Последний пересмотр украинского нормативного правописания 2019 года (что в украинской действительности сопоставимо с прескриптивными описаниями украинского языка целиком) продвинулся в этом направлении максимально далеко, очевидно, опираясь на долгое время не приживавшееся правописание 1999 г., а украинский узус значительно отличается от нормативных предписаний.

ПРОЛОЖНАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТЫХ БОРИСА И ГЛЕБА: ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Щеглова О. Г.

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Лингвотекстологическое исследование памятников письменности, сохранившихся в большом количестве списков, имеет большое значение как для истории церковнославянского языка, который в течение семи веков выполнял роль литературного языка, так и для истории древнерусской литературы. Лингвотекстологический метод позволяет определить взаимоотношения сохранившихся списков, то есть их временную и локальную иерархию, провести их группировку по характерным типологическим особенностям, выделить старшие списки, которые могут восходить к протографу редакции. Тем самым мы можем более достоверно интерпретировать те разночтения, которые встречаются как в тексте, так и в языке списков Стишного Пролога. Лингвотекстологический анализ списков Стишного Пролога не только воссоздает историю бытования рукописей на Руси, но и способствует пониманию динамических процессов, происходивших в церковнославянском (русском литературном) языке на всех его уровнях в течение XV–XVII веков.

Память Бориса и Глеба, находящаяся в Стишном Прологе, восходит к циклу произведений, посвященных рассказу о гибели сыновей Владимира I Святославича Бориса и Глеба во время междоусобной борьбы за великокняжеский киевский стол в 1015 г. В русском Прологе помещено несколько текстов о Борисе и Глебе. В исследуемых списках 2 и 20 мая представлена статья о перенесении мощей Бориса и Глеба. Проложные сказания под 2 и 20 мая известны в нескольких редакциях.

Исследуемый текст о перенесении мощей Бориса и Глеба находится в 17 рукописях Хутынской, Троице-Сергиевской и Синодской групп Стишного Пролога. В результате текстологических наблюдений было выявлено, что текст о перенесении мощей Бориса и Глеба, находящийся под 2 мая, на самом деле содержит тексты о двух разных перенесениях мощей великомучеников. Первое состоялось спустя 57 лет после смерти князей Бориса и Глеба – 20 мая 1072 г. при митрополите Георгии и князе Изяславе. Второе проходило 2 мая 1115 г. при участии князей Владимира Мономаха, Олега, Давыда и митрополита Никифора.

В докладе представлены разночтения на разных языковых уровнях в анализируемых двух проложных чтениях. В первую очередь, это содержательные лексические различия, синонимы, лексико-словообразовательные варианты, фонетические и грамматические разночтения. Изучение языка памятника традиционного содержания по нескольким спискам дает возможность выявить новые слова и новые значения, исследовать синонимические средства и стилистические функции синонимов церковнославянского языка и показывает основные тенденции в развитии не только языка данного памятника письменности, но и русского литературного (церковнославянского) языка в целом.

СПИСОК ДОКЛАДЧИКОВ

Бочаров Алексей Владимирович, к.и.н., доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Вучкович Екатерина Сергеевна, старший преподаватель кафедры славянских языков и культур Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, г. Москва (Россия)

Гринев-Гриневиц Сергей Викторович, д.ф.н., профессор кафедры англистики и межкультурных коммуникаций Московского городского педагогического университета, г. Москва (Россия)

Данилина Наталья Ивановна, д.ф.н., доцент кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета им. В. И.Разумовского, г. Саратов (Россия)

Дронова Любовь Петровна, д.ф.н., профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия), ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск (Россия)

Елисеева Мария Александровна, аспирант, инженер института филологии Сибирского отделения Российской академии наук, сектор русского языка в Сибири, Новосибирск (Россия)

Кашова Мартина Богумиловна, к.ф.н., доцент кафедры немецкого языка Прешовского университета, г. Прешов (Словакия)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д.ф.н., зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск (Россия)

Конончук Инесса Яковлевна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Коньшина Оксана Григорьевна, старший преподаватель кафедры источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)

Королькова Полина Владимировна, к.ф.н., доцент кафедры славистики и центральноевропейских исследований Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Коршунова Ирина Сергеевна, лаборант Лаборатории лингвистической антропологии, магистрант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Курьянович Анна Владимировна, д.ф.н., зав. кафедрой теории языка и методики обучения русскому языку Томского государственного педагогического университета, г. Томск (Россия)

Лю Яньчунь, к.ф.наук, старший преподаватель русского языка Даляньского университета иностранных языков, г. Далянь (КНР)

Маликова Алина Вячеславовна, старший преподаватель кафедры романских языков и прикладной лингвистики Сибирского федерального университета, г. Красноярск (Россия)

Михайленко Арина Юрьевна, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра славистических исследований Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва (Россия)

Мокиенко Валерий Михайлович, д.ф.н., профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского государственного университета, научный руководитель Межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина, г. Санкт-Петербург (Россия)

Оглезнева Елена Александровна, д.ф.н., директор Института международных связей и интернационализации образования Томского государственного архитектурно-строительного университета, г. Томск (Россия)

Орлова Ольга Вячеславовна, д.ф.н., профессор кафедры теории языка и методики обучения русскому языку и литературе Томского государственного педагогического университета, г. Томск (Россия)

Остапчук Оксана Александровна, к.ф.н., научный сотрудник Отдела восточного славянства Института славяноведения Российской академии наук, г. Москва (Россия)

Палий Валерия Евгеньевна, лаборант Лаборатории лингвистической антропологии, магистрант Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Пустовалов Олег Викторович, к.ф.н., старший преподаватель Хэйхэйского университета, г. Хэйхэ (КНР)

Резанова Зоя Ивановна, д.ф.н., зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, зам. зав. Лабораторией лингвистической антропологии, г. Томск (Россия)

Рогуцка Иоланта, д.ф.н., проректор по науке гуманитарно-экономического факультета Государственной высшей профессиональной школы им. проф. Эдварда Ф. Щепаника в Сувалках, г. Сувалки (Польша)

Саболова Драгомира Яновна, к.ф.н., преподаватель кафедры русистики Прешовского университета, г. Прешов (Словакия)

Сергунина Марина Николаевна, преподаватель кафедры славянских языков и культур Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва (Россия)

Сорокина Эльвира Анатольевна, д.ф.н., профессор кафедры английской филологии Московского государственного областного университета, г. Москва (Россия)

Суляк Сергей Георгиевич, к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург (Россия), профессор Тараклийского государственного университета, г. Тараклия (Молдова)

Толстик Светлана Александровна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского

языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Трофимова Ольга Викторовна, д.ф.н., профессор кафедры русского языка и общего языкознания Тюменского государственного университета, г. Тюмень (Россия)

Фёдорова Людмила Львовна, к.ф.н., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Филь Юлия Вадимовна, к.ф.н., доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета, г. Томск (Россия)

Хазанова Маргарита Игоревна, к.ф.н., декан Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва (Россия)

Щеглова Ольга Георгиевна, к.ф.н., зав. кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета, г. Новосибирск (Россия)